

Олег КЛИШИН

ПО ДВИЖЕНИЮ КАПЕЛЬ ДОЖДЯ...

Стихотворения

* * *

Доска чертёжная с рейсиной,
а лучше кульман с винтовым
креплением. Неповторимо
отливом бело-голубым,

как снег, сияет чистый ватман,
ждёт первозданного штриха.
Так в воздухе невероятном
живёт предчувствие стиха.

Как будто улей алфавита
гудит в разбуженной душе,
пленённой графикой графита,
таящейся в карандаше.

* * *

Жизнь — одноразовая штука,
простая, как велосипед.
Рождение - смерть, любовь – разлука.
Есть астрономия наука,
невероятный звёздный свет.
А смысла не было и нет.

* * *

Вот и осень... Траншеи и трубы
ископаемые на виду.
Обходя, чертыхнёшься сквозь зубы
на привычную эту беду.

На какую по счёту? Ответить
ни один не возьмётся статист.
Через высоковольтные клетки
рвётся ветра разбойничий свист,

листья жёлтые с клёна сдирает.
Жаль черёмухи - вся отцвела.
Что ж, ещё раз по самому краю...
Будь что будет, была - ни была.

Ты не первый и вряд ли последний
на рискованном этом пути.
Кто-то здесь кувыркнулся наемни.
Хорошо, что успели спасти.

Угрожающий череп с костями...

Вот что станет с твоей головой,
бедный Йорик, в зияющей яме
с дождевою холодной водой.

* * *

Тяжкий камень, с души канув в Лету,
превратится в песок золотой.
За избитую истину эту,
подтверждённую красной ценой,
каждый вносит свою предоплату,
в своё время черту подводя -
сдав зачёт по лит-ре, сопромату,
по движению капель дождя.

* * *

Не дотягиваем до счастья,
хотя кажется, что вот-вот
всё сойдётся, всё в нашей власти.
Наконец-то произойдёт
это чудо. Лети, мгновенье
в белом танце среди зимы -
волшебство, головокруженье!...
Так могло быть. Но, к сожаленью,
в эту сказку не верим мы.

* * *

Увешанный связками башен, —
(от Эйфеля бублик), — «Бери,
коллега!», - на ломаном нашем
вблизи Нотр-Дам де Пари
торговец с лицом эфиопа,
как призрак фантазий Дали,
встречал нас, кормил эскалопом
на улице де Риволи.

Смещение тропика Рака
сказалось на галльской крови.
Флюиды афродизиака
в Шанели. Мон шер, селяви.
В довесок к дежурному блюду:
месье, сельвупле, ой ля-ля! -
тряпичное чучело вуду
с печальным лицом Николя.

* * *

Форель, прикормленная хлебом,
летающая сквозь облака,
залитые проточным небом.
Откуда-то издалека

всё это видится. Как будто
и впрямь мы были там с тобой,

где вечность тонет, как минута,
в безумной бездне голубой.

Не сомневаюсь: были, были...
забывчивости вопреки.
И рыб стремительных кормили.
В едином взмахе две руки

взмывали, падали и снова
взлетали, словно два крыла.
И неудача рыболова
нас опечалить не могла.

Да и при чём здесь эта рыба,
немыслимая безо льда.
Пока дышу, du - meine Liebe,
единственная - навсегда.

* * *

Вдоль тропинки громкий гравий.
Братьев Гримм волшебный лес
сохранён в наследном праве
на готический отвес.

Зодчий Шварцвальда – природа.
Тектонический разлом
вроде каменного брода
вглубь веков, где стол и дом

был для допотопных чудищ,
обитающих в морях.
Камень подобрал, разбудишь
время до календаря.

Как моллюск, сомкнувший створки,
погружаешься на дно,
заплатив прозреньем горьким
за жемчужное зерно.

* * *

Кто здесь крайний, кто последний?
Наверху оно видней.
Может в зимний, может в летний -
всё равно в один из дней

всем проследовать придётся
по известному пути.
Что же после остаётся
кроме позднего «прости»?

Бормотанье: был ли, не был?
Всё проходит, все пройдем.
Только голубое небо
с белым облаком на нём

остаётся, только лето
с чистой дождевой слезой,
с одуванчиковым цветом,
с тёмно-синей стрекозой,

зависающей у края
бездны ярко-голубой, —
там, где очередь живая
следующих за тобой.

* * *

*Мишка косолапый
по лесу идёт...*

Не бывал мальчишка
в цирке шапито.
Не читал он книжку
Агнии Барто.

И художник Шишкин,
честно говоря,
этому парнишке
был до фонаря.

Взрослым стал. Ружьишко -
два стальных ствола.
...Жил на свете мишка,
мишка косола...

* * *

Всё, что есть, — исчадь страха,
совести больной излом.
Клоун в кепке Мономаха,
дон-кихот борьбы со злом,

с носорожьим сытым стадом
тех, кто счастлив, глух и слеп.
Филиал земного ада -
кошкин дом, в кошачий склеп

превращённый. Белый, чёрный —
два последних из пяти.
В мир сияющий, просторный
обречённым нет пути.

Одного хотя б из бездны
вытащи, оставь в живых!
Двадцать первый век - железный,
торжество глухонемых.

Ни мольбою, ни молитвой
не пробьёшь глухой брони,
проведя на поле битвы

жизни считанные дни...

Что нам в этой круговерти
этот жалкий «тили-бом»,
эти маленькие смерти,
опустевший кошачий дом?

* * *

Зазеркалье подручное, в хrome
отражающее круговерть
проходную в «Косом» гастрономе -
приключенье, которое впредь

не случится, поскольку вся эта
жизнь-жестянка была да сплыла -
проскочила в прореху монетой,
шар с колосьями вместо орла

красовался ещё на которой.
Раз посеял, потом не найдёшь
на бескрайних российских просторах
бывшей родины ломаный грош.

* * *

Из безоблачной дали
долгим виделся путь.
Но так быстро шагали,
что осталось чуть-чуть.

День за днём, год за годом
календарь пролистав,
узнаёшь, что по ходу
кровь меняет состав,

клокоча внутривенно
от безумной ходьбы,
проходя постепенно.
кровоотком судьбы,

совершая, к примеру,
без открытия виз
от Жюль Верна к Жильберу
кругосветный круиз.

* * *

Не когда-то и не где-то,
а сегодня, здесь, сейчас
убывающее лето
кем-то создано для нас.

Звук прощально-шелестящий,
луч, ласкающий листву,

не ответченный входящий...
Неужели наяву

это облако клубится,
а за ним ещё одно?
Под всевышнюю десницей
белокурое руно...

Стоит только вспомнить слово
сказанное, голос твой,
вызвать ангела связного
по рассылке номерной,

своего дождавшись часа,
в прошлое перезвонить -
сладость Яблочного Спаса
напоследок пригубить.

Древо языка

By Alan Maley

Перевод с английского

Стекают листья, словно письма,
как символы запечатлённой речи.
Здесь на земле затихшая - она
во тьме немой становится предтечей

иных слоёв, чей шелестящий след,
как тень созвучий, слитых воедино,
которым суждено сойти на нет –
в глухой подзол, в беспамятный суглинок,

чтоб где-то там внизу среди корней,
где боль рождает сдавленные стоны,
теснились сны о будущем ветвей,
о языке родном шумящей кроны.

Как в сокровенной глубине ствола,
в душе живёт несказанное слово.
И всякий раз, весеннего тепла
дождавшись, возникает из былого,

всё те же очертания храня,
забыв про холод долгого ночлега,
мир изумляя среди бела дня
сквозным узором юного побега.

